

УДК 332.14, 331.55

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ЕГО РЕГИОНОВ В XXI ВЕКЕ

© 2016

Красова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
международного бизнеса и финансов

Бао Ган, студент магистерской программы «Международная экономика»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток (Россия)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, характерной для современного динамично развивающегося Китая – усилению неравномерности внутреннего демографического развития. Такая неравномерность проявляется в виде существенных различий между регионами в тенденциях естественного воспроизводства населения и внутренней миграции. В качестве основы внутренней демографической дифференциации Китая на текущем этапе авторы рассматривают развитие рыночной экономики, устойчивый рост которой неизбежно приводит к неравенству в социально-экономическом положении различных городов, провинций и районов. Другой причиной, тесно связанной с первой, является политика ограничения рождаемости «Одна семья – один ребенок», кардинально изменившая ход демографического развития Китая. Цель настоящего исследования заключается в определении условий и степени демографической дифференциации китайских регионов в контексте экономического развития Китая, определении места и роли конкретных городов, провинций и районов на демографической и экономической карте Китая, выявлении связи между важнейшими экономическими и демографическими параметрами. В процессе исследования авторы характеризуют условия возникновения и развития демографической дифференциации в Китае, анализируют показатели прироста численности населения по регионам Китая за 2000-2014 гг., изучают особенности и причины различий в уровнях естественного и миграционного приростов провинций Китая.

Ключевые слова: демографическое развитие Китая, экономическое развитие Китая, демографическая дифференциация, неравномерность экономического развития, «Одна семья – один ребенок», ограничение рождаемости, внутренняя миграция, миграционный прирост, урбанизация, провинции Китая.

STUDY OF DEMOGRAPHIC DIFFERENTIATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC
DEVELOPMENT OF CHINA AND ITS REGIONS IN THE XXI CENTURY

© 2016

Krasova Elena Viktorovna, candidate of economical sciences, associate professor of the chair
«International Business and Finance»

Bao Gang, master of Master's Program «International Economics»

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok (Russia)

Abstract. The article is devoted to an actual problem of modern rapidly developing China - strengthening the internal unevenness of demographic development. Such unevenness appears in the form of significant differences between the regions in the trends of natural reproduction of the population and internal migration. As the basis of China's internal demographic differentiation at the current stage, the authors examine the development of market economy, its sustainable growth inevitably leads to inequalities in socio-economic status of various cities, provinces and regions. Another reason, closely related to the first, is the policy of birth control «One family – one child», which changed radically the course of China's demographic development. The purpose of this study is to determine the conditions and extent of demographic differentiation of Chinese regions in the context of China's economic development, to determine the place and role of each city, province and region in China's demographic and economic map, to identify connections between the most important economic and demographic parameters. Being in the study authors characterize the conditions of the creation and development of demographic differentiation in China, analyze indicators of population growth for the China's regions for 2000-2014 years, and study the characteristics and reasons for the differences in the levels of natural and migration growth of China's provinces.

Keywords: demographic development of China, economic development of China, demographic differentiation, unevenness of economic development, «One family – one child» policy, birth control, internal migration, migration growth, urbanization, provinces of China.

Постановка проблемы. Китай является страной с самой высокой численностью населения и до 1980-х гг. являлся лидером по темпам роста численности населения. С момента образования КНР по 1980 г. демографическое развитие страны шло достаточно интенсивно и сбалансированно по регионам: численность населения за межпереписной период с 1953 по 1982 гг. увеличилась на 414 млн. чел., или на 70%. При этом, считалось, что каждый человек, достигший трудоспособного возраста – это, прежде всего, рабочие руки, и поэтому в ходу был лозунг: «Чем больше рабочих рук, тем больше объем производства, тем больше накопления». Многочисленное население рассматривалось как огромный потенциал трудовых ресурсов, который создает благоприятные предпосылки для ускорения социально-экономического развития в условиях развернувшегося строительства основ социалистического общества [1, с. 80].

Начало политики реформ и открытости в 1978 г. и жесткого контроля за рождаемостью в 1979 г. (политики «Одна семья – один ребенок») кардинально изменило характер демографического развития в Китае и предопределило углубление в стране демографической дифференциации. Под демографической дифференциацией

здесь понимается система устойчивых отличий между регионами (провинциями, районами или другими пространственными единицами в рамках одной геодемографической системы), касающихся режима воспроизводства населения, воздействия на численность и структуру населения различных факторов, и отражающихся в существенных различиях параметров демографической динамики и развития. Используя понятия «демографическое воспроизводство», «демографическая структура», «региональная демография» и другие близкие категории, мы опираемся на определения авторитетных ученых в этой области [2; 3; 4]. Исследованиями проблемы пространственной неравномерности экономического и демографического развития Китая посвящены труды многих ученых [5; 6; 7], что обусловлено ее остротой и комплексностью.

Изложение материала исследования. Демографическое развитие Китая исторически дифференцировано, и каждая провинция, развиваясь в общем русле национальной экономики, имеет собственную специфику. Традиционно считая, что «китайцев очень много», мы зачастую упускаем из виду, что распределено население Китая очень неравномерно, и много их

не везде. Около 40% территорий Китая имеет плотность населения, вполне сопоставимую с некоторыми центральными-российскими регионами, такими как, Липецкая, Ивановская или Владимирская области (40-50 чел. на кв. км), а часть территорий Китая, например, нагорья Тибета, вообще не заселены. Так же, как и в России, где на 34% основной полосы заселения приходится 93% всего населения [8], в Китае на 35% восточных территорий приходится порядка 91% всего населения. При средней плотности в Китае 140 чел. на кв. км (55-е место в мире), значение этого показателя по стране колеблется от 1 чел. на кв. км в горных районах до более 1000 чел. на восточных приморских низменностях [9].

Предпосылкой демографической дифференциации страны выступают естественные факторы – природно-климатический и ресурсный потенциалы. Однако, в XX веке – эпоху великих преобразований – на первый план вышли экономические факторы. Сдерживающий характер современного демографического развития имеет тесную связь с ускоренным экономическим ростом, и эта связь выражается в следующем:

1) политика «Одна семья – один ребенок» явилась следствием курса экономических реформ и была вызвана необходимостью снизить нагрузку на имеющиеся ресурсы, уменьшить уровень бедности в стране;

2) структура населения, в которой преобладают трудоспособные граждане (73,9% в 2014 г.) и, соответственно, один из самых низких уровней демографической нагрузки в Азии (36,2% в 2014 г.) полностью удовлетворяли и в перспективе до 2020 г. будут удовлетворять потребностям растущей экономики. О долгосрочных последствиях и влиянии такой политики на экономическое будущее Китая более подробно изложено в наших предыдущих исследованиях [10].

В результате реализации политики «Одна семья – один ребенок» темпы роста населения замедлились и в 2015 г. составили 0,48%. Сегодня в Китае проживает 1379,7 млн. чел., что на 392,6 млн. чел., или на 40% больше уровня 1980 г. Однако, если бы не жесткое ограничение рождаемости, численность населения в Китае сегодня достигала бы 1715 млн. чел. Таким образом, политика «Одна семья – один ребенок» «предотвратила 400 миллионов рождений и изменила демографическую структуру общества». По мнению китайских ученых, в настоящее время в Китае наблюдается процесс «так называемого демографического перехода, характерный для развитых стран. Просто в Китае он ускорен политической ограничением рождаемости» [11].

Используя данные Национального статистического бюро Китая, рассмотрим современный период (2000-2014 гг.) динамики главных демографических показателей китайских провинций, что выяснит, как повлияли, с одной стороны, политика «Одна семья – один ребенок», с другой стороны, экономический рост и урбанизация, на каждую из провинций (таблица 1). Все регионы Китая, представленные в таблице 1, отсортированы по убыванию по уровню среднегодового темпа общего прироста населения (столбцу 6).

Как видно из таблицы 1, особенностью демографического развития Китая в XXI веке является доминирующее положение четырех регионов – городов центрального подчинения Пекина, Тяньцзиня и Шанхая и провинции Гуандун – в приросте населения страны. Совокупный прирост населения в этих регионах составил 41,2 млн. чел., или 40,4% от общего прироста населения Китая. Имея изначально далеко не самый большой человеческий потенциал в Китае (в 1995 г. общая численность их населения составляла около 105 млн. чел., или 8,6% населения Китая) и занимая лишь 2,2% китайских площадей, на сегодняшний день города Пекин, Тяньцзинь и Шанхай и Гуанчжоу (столица провинции Гуандун) превратились в мегаполисы, самые динамично растущие китайские агломерации с общей долей китайского населения 12,3%.

Таблица 1 – Прирост численности населения регионов Китая за 2000-2014 гг. [9]

№	Провинция	Численность населения в 2000 г., млн. чел.	Численность населения в 2014 г., млн. чел.	Прирост численности населения за период, млн. чел.	Среднегодовой темп прироста населения, %	Среднегодовой естественный темп прироста населения, %	Среднегодовой темп прироста населения за счет внутренних миграций, %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Пекин	13,82	21,52	7,7	3,71	0,26	3,45
2	Тяньцзинь	10,01	15,17	5,16	3,44	0,21	3,23
3	Шанхай	16,74	24,26	7,52	2,99	0,16	2,83
4	Гуандун	86,42	107,24	20,82	1,61	0,74	0,87
5	Тибет	2,62	3,18	0,56	1,42	1,13	0,3
6	Синьцзян	19,25	22,98	3,73	1,29	1,11	0,19
7	Нинся	5,62	6,62	1	1,19	1,01	0,17
8	Чжецзян	46,77	55,08	8,31	1,18	0,45	0,73
9	Хайнань	7,87	9,03	1,16	0,98	0,92	0,06
10	Цинхай	5,18	5,83	0,65	0,84	0,96	-0,12
11	Шаньси	32,97	36,48	3,51	0,71	0,59	0,12
12	Юньнань	42,88	47,14	4,26	0,66	0,77	-0,11
13	Цзянси	41,4	45,42	4,02	0,65	0,79	-0,14
14	Фуцзянь	34,71	38,06	3,35	0,64	0,62	0,02
15	Хэбэй	67,44	73,84	6,4	0,63	0,63	0,01
16	Шаньдун	90,79	97,89	7,1	0,52	0,54	-0,02
17	Цзянсу	74,38	79,6	5,22	0,47	0,25	0,22
18	Гуанси	44,89	47,54	2,65	0,39	0,8	-0,41
19	Внутренняя Монголия	23,76	25,05	1,29	0,36	0,42	-0,06
20	Шэньси	36,05	37,75	1,7	0,31	0,41	-0,1
21	Хунань	64,4	67,37	2,97	0,31	0,57	-0,26
22	Хэйлуньцзян	36,89	38,33	1,44	0,26	0,22	0,04
23	Ляонин	42,38	43,91	1,53	0,24	0,1	0,14
24	Хэнань	92,56	94,36	1,8	0,13	0,56	-0,43
25	Аньхой	59,86	60,83	0,97	0,11	0,66	-0,56
26	Ганьсу	25,62	25,91	0,29	0,08	0,65	-0,58
27	Цзилинь	27,28	27,52	0,24	0,06	0,21	-0,15
28	Гуйчжоу	35,25	35,08	-0,17	-0,03	0,8	-0,83
29	Сычуань	83,29	81,4	-1,89	-0,15	0,33	-0,48
30	Чунцин	30,9	29,91	-0,99	-0,21	0,35	-0,56
31	Хубэй	60,28	58,16	-2,12	-0,23	0,37	-0,6

За первые пятнадцать лет текущего века Пекин увеличил свое население на 55,7%, Тяньцзинь – на 51,5%, Шанхай – на 44,9% и провинция Гуандун – на 24,1%. Следует отметить, что Шанхай вступил на путь рыночных реформ в 1992 г., т.е. на 10-15 лет позже, чем другие города и провинции, и за два последних десятилетия сумел добиться впечатляющих результатов экономического развития. Шанхай считается самым высококоразвитым городом континентального Китая, мегаполисом с суперсовременной архитектурой, а правительство Китая рассматривает Шанхай в качестве моста, связывающего Китай с глобальной экономикой, одним из международных финансовых центров наряду с Гонконгом [12, с. 280].

В противоположность Пекину, Тяньцзиню, Шанхаю и провинции Гуандун, на демографической карте Китая можно отметить четыре региона не просто с низким, а с отрицательным приростом населения – провинции Гуйчжоу, Сычуань, Хубэй и город центрального подчинения Чунцин. За исследуемый период совокупная численность населения этих центральных регионов Китая уменьшилась на 5,2 млн. чел., или на 2,5%, а их доля в общей численности населения сократилась с 16,6% в 2000 г. до 15,0% в 2014 г.

Остальные 23 региона Китая характеризуются, в целом, положительным приростом населения. По темпам прироста общей численности населения их демографическое развитие можно дифференцировать от слабого (провинции Хэйлуньцзян, Ляонин, Хэнань, Аньхой, Ганьсу, Цзилинь с темпами прироста 0,01 – 0,29% в год) до умеренного (Хайнань, Цинхай, Шаньси, Юньнань, Цзянси, Фуцзянь, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Гуанси, Внутренняя Монголия, Шэньси и Хунань с темпами прироста 0,30 – 0,99% в год) и до высокого (Тибет, Синьцзян, Нинся и Чжецзян с темпами прироста выше 1% в год).

Какие причины лежат в основе этих различий? Рассмотрим особенности демографического воспроизводства провинций за счет естественных и миграционных факторов.

В условиях ограничения рождаемости годовой темп естественного прироста в целом по Китаю постепенно снижался от 0,89% в 2000 г. до 0,52% в 2014 г. При среднем уровне естественного прироста за весь период 0,56% наблюдается значительная дифференциация регионов по данному показателю (таблица 1, столбец 7).

С одной стороны, различия в уровнях естественного прироста объясняются дифференцированностью самой политики «Одна семья – один ребенок», которая носила вполне щадящий, рекомендательный характер для представителей национальных меньшинств. Представителям национальностей численностью до 10 млн. чел. государством позволялось иметь двух детей, национальностям численностью менее 50 тыс. чел. – четверых детей, а на малочисленные народы политика ограничения рождаемости не распространялась [13, с. 147]. Различные этнические группы неханьских национальностей проживают преимущественно в центральных, южных и западных регионах Китая, которые имеют более высокий коэффициент рождаемости и естественного прироста, в частности Тибет (1,13%), Синьцзян (1,11%), Нинся (1,01%), Цинхай (0,96%), Хайнань (0,92%), Гуанси (0,80%), Гуйчжоу (0,80%), Цзянси (0,79%), Юньнань (0,77%). С другой стороны, высокую рождаемость данных регионов можно объяснить большей долей сельскохозяйственного населения с присущими им традициями деторождения и более низким уровнем жизни по сравнению с их восточными соседями.

Обращают на себя внимание низкие уровни естественного прироста населения в северо-восточных провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, которые в 2,6, 2,7 и 5,7 раза (соответственно по провинциям) меньше среднекитайского уровня. Занимая 8% в общей численности населения страны, эти провинции обеспечили за исследуемый период всего 2,7% общекайтайского естественного прироста. Специалисты связывают этот факт со снижением рождаемости в результате политики планирования семьи, реализация которой при высоком уровне урбанизации и интенсивных миграционных процессах в северо-восточном регионе имела лучшие результаты, чем в КНР в целом [14, с. 17]. Как в северо-восточных, так и в других провинциях с низким естественным приростом факторами снижения рождаемости выступают: исход сельского населения в крупные города с целью заработка, изменения в брачном поведении, заключающиеся в снижении ценности брака и семьи как ячейки общества, а также существенное изменение образа жизни людей, их стремление к благополучию и профессиональной самореализации, что не способствует росту деторождения [15, с. 198; 14, с. 17-18; 10, с. 211]. Можно сказать, что современному китайскому обществу присущи главные черты процесса демографического перехода – снижению рождаемости на фоне роста уровня жизни.

Другим путем изменения численности населения региона является внутренняя миграция. Внутренняя трудовая миграция, или перемещение населения в пределах границ страны с целью поиска работы и улучшения условий жизни, как важнейшее демографическое и социально-экономическое явление возникло в Китае во второй половине XX века вследствие начала рыночных реформ и процесса урбанизации – самого мощного в мире. Внутренняя миграция вызывается неравномерностью межрегионального экономического развития, которая, в свою очередь, обусловлена разницей в объемах инвестиций, которые вкладывались во второй половине XX века в экономику регионов согласно принципу наибольшей конкурентоспособности. Самыми конкурентоспособными в этом отношении стали города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и ряд восточных провинций, таких как Цзянсу, Чжецзян, Гуандун. Внутреннюю миграцию ученые называют главным драйвером урбанизации на современном этапе развития Китая [16, с. 42], а перераспределение рабочей силы – одним из ключевых рычагов развития экономики страны на перспективу [17, с. 110]. В связи с этим естественное воспроизводство в некоторых провинциях, таких, как Цинхай, Гуанси, Цзянси, Юньнань, Аньхой, Ганьсу, Хунань, Хэнань, Шаньдун, Внутренняя Монголия, Шэньси и Цзилинь, играет решающую роль,

являясь своего рода компенсирующим механизмом, не позволяющим допустить абсолютное снижение численности населения вследствие его миграционного оттока.

Как видно из таблицы 1 (столбец 8) и рисунка 1, наглядно отражающего формирование миграционного сальдо в регионах Китая за первые пятнадцать лет текущего столетия, шестнадцать регионов из тридцати одного имеют отрицательный миграционный прирост, и только пятнадцать – положительный.

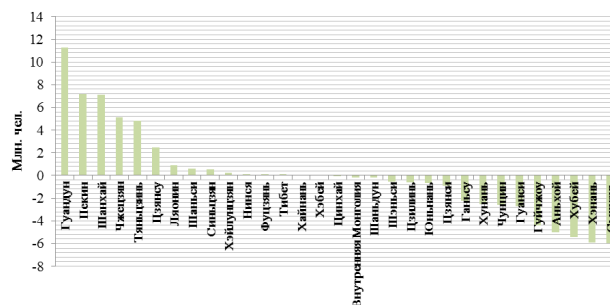


Рисунок 1 – Оценка миграционного сальдо в регионах КНР за 2000-2014 гг., млн. чел. [9]

Главными донорами населения для других регионов за исследуемый период стали: центральные провинции Сычуань, которая потеряла порядка 6 млн. чел., Хэнань – минус 5,9 млн. чел., Хубэй – минус 5,4 млн. чел., Аньхой – минус 5,0 млн. чел., Гуйчжоу – минус 4,4 млн. чел. По относительным показателям более всего пострадала провинция Гуйчжоу, среднегодовой миграционный отток из которой составил 0,83%. И напротив, лидерами привлечения стали восточные провинции Гуандун, принявшая 11,3 млн. чел., Чжецзян – плюс 5,1 млн. чел., Цзянсу – плюс 2,5 млн. чел., города Пекин – плюс 7,2 млн. чел., Шанхай – плюс 7,1 млн. чел., Тяньцзинь – плюс 4,8 млн. чел. По относительным показателям лидирует Шанхай, миграционный приток в котором составил почти 95% всего прироста населения города. Впрочем, Пекин и Тяньцзинь не сильно отстают от Шанхая с аналогичными показателями 93% и 94% соответственно.

Таким образом, формирование свободных экономических зон в восточных прибрежных регионах как точках роста национальной экономики [5; 18] сосредоточило там и финансовые, и трудовые ресурсы. А менее развитые в экономическом отношении центральные и западные регионы, в которых традиционно высока доля сельскохозяйственного населения, отдают свое население в качестве рабочих рук более развитым провинциям. Согласно статистическим данным 2012 г., 65% китайских рабочих-мигрантов, покинувших свой населенный пункт, предпочли работать в восточной зоне [18, с. 188]. При этом, исследователи отмечают, что самый мощный отток жителей наблюдается с внутренних территорий, непосредственно граничащих с прибрежными районами [17, с. 114]. В связи с этим важнейшим фактором формирования межрегиональных миграционных направлений можно считать территориальную близость регионов-доноров к более развитым регионам-реципиентам. Рисунок 2 отражает наличие достаточно тесной связи между средним производимым валовым региональным продуктом в расчете на душу населения и среднегодовыми темпами миграционного прироста: коэффициент детерминации равен 0,78.

Как видно из рисунка 2, чем больше продукта производится на одного жителя региона, т.е. чем эффективнее региональная экономика, тем выше темпы миграционного прироста, и тем больше требуется рабочих рук в такие регионы. Другие исследователи отмечают положительную связь между средней заработной платой в регионе и сальдо внутренней миграции: чем выше уровень заработной платы, тем больше сальдо внутренней миграции [19, с. 73]. Ранее в своих исследованиях мы

показывали тесную положительную связь между ВВП на душу населения и уровнем урбанизации: активно урбанизирующиеся китайские регионы более эффективно используют человеческий капитал [10, с. 214].



Рисунок 2 – Зависимость между средним подушевым значением ВВП и темпами миграционного прироста китайских провинций за 2000-2014 гг. [9]

1 – Пекин, 2 – Тяньцзинь, 3 – Хэбей, 4 – Шаньси, 5 – Внутренняя Монголия, 6 – Ляонин, 7 – Цзилинь, 8 – Хэйлуцзянь, 9 – Шанхай, 10 – Цзянсу, 11 – Чжецзянь, 12 – Аньхой, 13 – Фуцзянь, 14 – Цзянси, 15 – Шаньдун, 16 – Хэнань, 17 – Хубэй, 18 – Хунань, 19 – Гуандун, 20 – Гуанси, 21 – Хайнань, 22 – Чунцин, 23 – Сычуань, 24 – Гуйчжоу, 25 – Юньнань, 26 – Тибет, 27 – Шэньси, 28 – Ганьсу, 29 – Цинхай, 30 – Нинся, 31 – Синьцзян.

Выводы исследования. В целом, экономические реформы и связанная с ними политика ограничения рождаемости оказали свое влияние на демографическое развитие в Китае. Это влияние отразилось в:

- постепенном снижении темпов общего прироста населения до уровня США и Австралии;
- дифференциации регионов по уровню естественного прироста, лидерстве по темпам рождаемости центральных и западных провинций, что связано как со слабым воздействием политики «Одна семья – один ребенок» на районы проживания национальных меньшинств, так и с более низким уровнем жизни по сравнению с восточными провинциями;
- возрастании роли внутренней миграции в формировании населения китайских провинций, вызванного активным процессом урбанизации и концентрацией экономического потенциала в зонах роста;
- существенной дифференциации регионов по величине миграционного сальдо, формировании четко направленных миграционных потоков в сторону динамично развивающихся регионов, прежде всего, города с самым высоким потенциалом развития – Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу;
- высоким в историческом контексте уровнем взаимосвязи между экономическим и демографическим развитием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кушниренко М., Чэнь-Шибой. Экологические проблемы Китая // Опыт и перспективы развития городов Украины: экологические аспекты градостроения. Киев, 2010. Выпуск 19. – с. 79-90.
2. Халкечев М.Н. Демографическая дифференциация регионов России: динамика и развитие. – М.: ЦСП, 2006. – 224 с.
3. Демографический понятийный словарь. Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2003.
4. Латкин А.П. Дальний Восток: качество госуслуг и демографическая ситуация // Российское предпринимательство. 2012. № 24 (222). С. 229-236.
5. Кузнецова Н.В. Рост территориальной дифференциации экономического развития Китая // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 5 (76). С. 178-185.

6. Плесский Н.С. Бедность в современном Китае: основные черты и региональные различия // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-20. С. 4443-4447.

7. Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 101-116.

8. Экономическая география и прикладное региональное ведение: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Симагина Ю.А. - М.: Юрайт, 2014. – 552 с.

9. Статистический ежегодник Китая 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.

10. Красова Е.В., Ян С. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 205-220.

11. Китай официально корректирует политику ограничения рождаемости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Интернет-телевидения Китая (CNTV) (на русском языке). – Режим доступа: <http://www.cntv.ru/2015/12/28/VIDE1451294406141391.shtml>.

12. Коваленко В.Н. Гонконг и Шанхай: конкуренция за место главного финансового центра в КНР и одного из основных в мире // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 280-284.

13. Ставров И.В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (170). С. 146-151.

14. Северо-Восток Китая в 2012 г.: политика, экономика и социально-демографическое развитие. Информационно-аналитический бюллетень Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН «У карты тихого океана». 2013. № 30 (228). – 35 с.

15. Мишук С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 194-202.

16. Плесский Н.С. Особенности урбанизационных и миграционных процессов современного Китая // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 38-42.

17. Понкратова Л.А., Тракова Е.В. Внутренняя миграция в Китае: что показала перепись населения 2010 года // В сборнике: Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А.Забияко. 2014. С. 109-116.

18. Сунь Ю. Влияние иммиграционного потока на региональную экономику: к вопросу о повышении экономической конкурентоспособности провинции Цзянси // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 187-194.

19. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 61-83.